Доктор Смерть

Автор:
Андрей Шляхов

Доктор Смерть

Андрей Левонович Шляхов

Говорят, что у каждого врача есть свое кладбище… Дело не столько в наличии кладбища, сколько в его размерах.

Говорят, что человеку свойственно ошибаться… Дело не в ошибках, а в том, как часто они происходят.

Он считал себя хроническим неудачником, но на самом деле ему постоянно везло. А вот его пациентам – нет.

Знаете, в чем заключается главное отличие между врачом и маляром? Маляру легко исправлять свои ошибки. Закрасил – и всё!

У главного героя этой книги есть три реальных прототипа, но их могло быть гораздо больше.

Автор долго размышлял над названием «Без вины виноватые», но потом вспомнил, что у кого-то из классиков оно уже встречалось.

Андрей Шляхов

Доктор Смерть

«Не бояться трудностей, не бояться смерти!»

Мао Цзэдун

Соблюдая установленные традиции, автор сообщает своим уважаемым читателям и вообще всему человечеству, что все события, о которых рассказывается в этой книге, являются продуктом его буйного неукротимого воображения, точно так же, как и имена действующих лиц, которые выдуманы от первой буквы до последней. Короче говоря, все совпадения случайны… Но мы-то с вами хорошо знаем, что ничего случайного в этом мире нет и быть не может. У вымышленного героя существует три реальных прототипа.

Глава первая. Шаг в пустоту

Фамилия Барка?нский происходит от слова «барка?н». Так называется плотная шерстяная ткань, применявшаяся в старину для обивки мебели средней ценовой категории вместо дорогого шелка. Окрашивали эту ткань в особый темный оттенок красного цвета, похожий на багряный, но не совсем. Багряный – это красный с примесью коричневого, а барканский – с примесью оранжевого, как его еще называют – «красный с огоньком».

К красивой, звучной фамилии и имя нужно соответствующее. С именем все было в порядке – Кирилл Барканский! Звучит, не так ли? С таким именем прямая дорога в артисты или в какие-нибудь виртуозы смычка. В главной роли – Кирилл Барканский! Перед вами выступит лауреат международного конкурса имени Чайковского Кирилл Барканский! Но Кирилл с детства хотел стать врачом и продолжить медицинскую династию, начало которой в середине XIX века положил славный предок Мартын Антипович, крестьянский сын, выучившийся, как тогда выражались, «на медные копейки». Ничего – выучился и дослужился до ординарного профессора Московского университета, то есть, по современным понятиям, до заведующего кафедрой.

Гораздо ценнее должности был чин действительного статского советника, дававший право на потомственное дворянство. Своего единственного сына Мартын Антипович назвал Кириллом, поскольку простонародное имя Антип для

дворянина никак не годилось. А вот имя Мартын вполне годилось, поскольку оно было классически благородным, образованным от имени древнеримского бога Марса. Мартын – посвященный Марсу. Поэтому Кирилл Мартынович назвал своего старшего сына Мартыном… Так в роду установилась традиция, согласно которой первенцы назывались Кириллами или Мартынами. Традицию хранило суеверие, неподобающее просвещенной медицинской династии – мол, если назвать ребенка не именем деда, а каким-то другим, то счастья ему не видать.

Кириллу повезло – ему досталось имя, которое невозможно издевательски исковеркать. Даже дразнилок обидных нет. «Кирюха, на макушке два уха» – это нормально, потому что у всех ушей по паре. А вот отца с младых, так сказать, ногтей, дразнили Мартышкой. Да и сейчас друзья закадычные могут так назвать, по-свойски, по старой памяти. Отец улыбается – чего уж там, привык за столько лет – но по глазам видно, что ему неприятно. Кирилл еще в пятом классе решил, что своего первенца он назовет Кириллом. Это не сильно нарушит традицию – вместо имени деда ребенок получит имя прадеда. Или имя отца, это уж как поглядеть. Пойдут в династии Барканских Кириллы Кирилловичи – чем плохо? Провидение, если оно, конечно, существует, не должно обидеться на такой реприманд. Не чужим же именем назвали, а своим, родовым, исконным, только немного не в очередь, но это уже мелочи. Дед, вон, фамилию сменил на совершенно чужую – и то ничего страшного не произошло!

Дед Кирилла, Кирилл Мартынович Антипов, женился довольно поздно, буквально накануне пятидесятилетия. Раньше как-то не до женитьбы было военному врачу, боевой путь которого начался в тридцать восьмом году у озера Хасан, а закончился в мае сорок пятого в Берлине. В марте сорок шестого года полковник медицинской службы Антипов демобилизовался и поехал домой, в Ярославль, где его, к слову будь сказано, никто не ждал – родители умерли еще до войны, а старшая сестра с мужем и двумя сыновьями погибли в ноябре сорок первого при бомбежке.

Полковник Антипов ехал через Москву и, разумеется, не отказал себе в удовольствии сделать трехдневную остановку в столице. В первый же вечер отправился в Камерный театр. Что именно он там смотрел, неизвестно, да это и неважно. Важно то, что полковник с первого взгляда влюбился в увиденную им на сцене актрису Елену Барканскую. Будучи человеком решительным, после спектакля он прошел за кулисы, представился и сообщил ошеломленной красавице, что имеет по отношению к ней самые серьезные намерения. В июне они поженились, а в апреле сорок седьмого года родился Мартын Кириллович,

отец Кирилла. Роды были тяжелыми, потому что ребенок шел вперед не головой, а попой. Вообще-то при тазовом предлежании нужно делать кесарево сечение, но Елена умоляла врачей обойтись без операции, потому что не хотела портить живот большим шрамом и, вообще, боялась. Как жене заместителя главного врача по хирургии, ей пошли навстречу и дали возможность рожать естественным образом. Но что-то пошло не так и роды закончились разрывом матки. Спасти бабушку не удалось. Убитый горем дедушка решил увековечить память любимой жены в прямом смысле – взял бабушкину фамилию, которую та в браке менять не стала, и сына тоже записал Барканским. Бабушку, конечно, жаль, но новая фамилия Кириллу нравилась гораздо больше. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Относительно выбора профессии у Кирилла никогда не было никаких сомнений. Он будет врачом и только врачом! Во-первых, лучшей профессии не существует. Во-вторых, династия – это не только предмет гордости, но и ответственность. Славные предки строго взирают на тебя из заоблачных высей – если не ты, то кто же? А больше некому. Кирилл был единственным ребенком у родителей, так уж сложилось. Ну и практические соображения не следует упускать из виду. Больших успехов добивается тот, кто уже на старте имеет преимущество. Если твой отец – главный врач одного из крупнейших стационаров области, а мать – доцент кафедры терапии, то все у тебя сложится наилучшим образом, будь уверен. Поддержат, подскажут, устроят, помогут, короче говоря, не дадут пропасть.

Кирилл был уверен в том, что у него в медицине все сложится наилучшим образом, и мысленно представлял себя в отцовском кабинете, где ему частенько доводилось бывать. Отец считал, что приобщать ребенка к хорошему никогда не рано. В первый раз Кирилл побывал у отца на работе в день своего первого в жизни десятилетнего юбилея и, надо сказать, что этот подарок оказался лучшим из всех. Кириллу выдали белый халат, бахилы, марлевую маску и белую шапочку. Он побывал в процедурном кабинете и в малой операционной, подержал в руках настоящие хирургические инструменты, а домой вернулся на скоропомощной машине. Ничего страшного с ним не произошло, просто скорики решили сделать имениннику подарок от себя, тем более что дорога к подстанции пролегала мимо дома, в котором жили Барканские. А в пятнадцать лет Кирилл побывал на настоящей операции. Ну, как побывал – посмотрел через стекло на то, что происходило в операционной. В тишине и спокойствии люди слаженно делали важное дело. Приятно пахло медициной. Отец, обычно громогласный, давал пояснения шепотом. Чувство было такое, словно прошел посвящение, приобщился к чему-то такому, важнее которого нет.

Мать этих медицинских экскурсий не одобряла, считала, что всему свое время, но однажды все-таки уступила просьбам Кирилла и взяла его на свою лекцию. Усадила в задний ряд и выдала тетрадку и ручку – раз уж напросился, так слушай и записывай, а непонятное я потом объясню. Лекция была о сердечной недостаточности. Кирилл понял почти все. А что тут можно не понять? Азы гидравлики проходят в седьмом классе, а Кирилл уже в девятом учился. Сердце – это насос, который качает кровь по сосудистой системе. Если насос не справляется с работой, то возникает застой… Очень понравилась лекционная атмосфера – все сидят тихо, записывают услышанное, вопросы задают в конце и не хором, а по очереди. Совсем не так, как в школе… Впрочем, у мамы иначе вести себя не получится. Характер – кремень! Уж кто-кто, а Кирилл это прекрасно знал.

Выбор факультета был предопределен исторически. Конечно же – лечебный! Если бы Кирилл вздумал поступать на стоматологический, то все славные предки перевернулись в своих могилах. Нет, стоматология тоже замечательная профессия, но все Антиповы-Барканские были «лечебниками». Не просто выпускниками лечебного факультета (этот факультет появился не так уж и давно), а именно – лечащими врачами. Со временем карьеры уходили на административную или научную стезю, но начинали Антиповы и Барканские с реальной помощи людям, которые в этой помощи нуждались.

– Гистология, физиология, фармакология и прочие базовые дисциплины нужны, потому что без них, врачом не станешь, – рассуждал отец. – Но все это только прелюдия к истинному предназначению человека – нести благо ближнему своему. А какое благо может быть ценнее избавления от страданий?

Кирилл еще в школьные годы твердо решил, что он станет хирургом, как папа. Терапевтом, как мама, тоже неплохо, но хирургом все-таки лучше. Этот настоящая мужская работа и, к тому же, результат виден сразу. Отрезал, что мешало – и пациент счастлив! Опять же, благодарят хирургов куда интенсивнее, чем терапевтов. Отец с матерью ни в коей мере не были стяжателями-вымогателями, делали свое дело на совесть, а не в расчете на благодарности, но, если пациенты благодарили, не отказывались – кто же, в здравом уме отказывается от того, что падает в руки? И если маму чаще всего благодарили конфетами да шампанским (которого, к слову будь сказано, никто в семье не любил), то отцу, пока он оперировал, чаще перепадали не коньяки-вискари, а конвертики с деньгами. Хотите такого счастья? Станьте лучшим хирургом области – и оно к вам придет! Когда дома заходила речь о каких-нибудь

излишествах, например – о бассейне на даче или о поездке на китайский остров Хайнань (когда-то это было очень круто!), отец говорил: «Ну, разве что на конвертные деньги». И все складывалось, правда Хайнань Кириллу не понравился совершенно, а ежедневный уход за дачным бассейном – еще больше. Проще уж в знакомом с детства бассейне шинного завода плавать, не заморачиваясь выловом из воды листьев и прочего мусора. Лентяем Кирилл не был, он просто не любил лишних утруждений и напрягов. Разумеется, фраза: «Плаваю на даче в бассейне» производит впечатление на окружающих, но оборотная сторона этой медали совершенно не вдохновляет.

– Да, тебе лучше стать хирургом, – сказала однажды мама, привыкшая резать правду-матку в глаза, невзирая на лица и чины (сама она считала, что не поднялась выше доцента из-за этой привычки, хотя, при ее-то способностях, могла бы и в ректоры выбиться, но отец говорил, что лучшие дрожжи для карьеры – это амбиции, и мама в ответ хмурилась).

Кирилл тогда не понял потаенного смысла сказанного. Обрадовался тому, что мама его поддерживает и еще сильнее укрепился в своем решении. А вот отец советовал не торопиться. Говорил, что специальность выбирается на всю жизнь и что только дураки мечутся из одной специальности в другую, всякий раз начиная с нуля. Проучись три года, сынок, оглядись-присмотрись, попробуй медицину на зубок, а там уж решай, что тебе больше нравится. Но, к четвертому курсу изволь определиться, чтобы участвовать в работе нужных студенческих научных кружков и писать работы по нужному профилю. У отца в студенчестве вышло три статьи, и он гордился ими больше, чем всеми последующими публикациями, потому что одну из тех статей удостоил похвалы сам академик Бураковский, имя которого сейчас носит московский институт кардиохирургии. С чем это сравнить, чтобы было понятнее? Представьте, что докладную записку рядового чиновника районной управы высоко оценил сам Президент.

По настоянию отца Кирилл не только пробовал медицину на зубок, но и нюхал ее, если можно так выразиться, с изнанки – начиная со второго курса работал в отцовской больнице, сначала санитаром приемного отделения, а затем там же медбратом. Отец требовал, чтобы к его сыну относились точно так же, как и ко всем остальным сотрудникам, без поблажек и уступок, но Кирилла все же оберегали. Санитарство его было чистым. Туалетов он не мыл, да и полов тоже, санитарной обработкой бомжей (фу-у-у!) не занимался, а развозил пациентов по кабинетам да отделениям, а также бегал с поручениями в лабораторию и прочие службы. Все это было приятно, не очень-то напряжно, и полезно для расширения

кругозора. А когда после третьего курса стал медбратом, то занимался бумажной работой – регистрировал поступающих, разносил циферки по графам и, вместо дежурного врача, ходил снимать пробу на кухню. Это ответственное и, надо сказать, весьма приятное занятие ему доверяли не по чину, а по происхождению, как сыну главного врача. Кирилл старался оправдывать доверие – прежде чем съесть то, что было поставлено для него на отдельном столе в пищеблоке, обстоятельно снимал пробу из каждого котла. «Ну вы такой серьезный мужчина, Кирилл Мартынович! – умилялась больничная диетсестра Татьяна Валентиновна. – Совсем, как ваш батюшка!». Кирилл в ответ улыбался. Ему нравилось, когда его сравнивали с отцом. Они и внешне были сильно похожи – оба высокие, плечистые, с голубыми глазами и бровями вразлет. Только отец покряжистее и от былой шевелюры осталось одно воспоминание. Чтобы сильнее походить на отца Кирилл начал стричь волосы ежиком. Матери, сокрушавшейся по его кудрям-локонам, объяснил, что врачу так удобнее – голова под шапочкой не потеет и волосы кругом не сыплются. Он бы и наголо побрился, но это та еще морока – постоянно брить не только лицо, но и голову.

– Профессоров у нас в роду хватает, – рассуждал отец во время субботних ужинов, на которые традиционно приглашались гости. – Главные врачи тоже есть. А вот с академиками беда – ни одного!

Гости сразу же предлагали тост за будущего академика Кирилла Мартыновича Барканского. И понятно, что неискренне, а только ради приличия, чтобы угодить гостеприимным хозяевам, но все равно было приятно. «А что? – думал Кирилл, наблюдая за тем, как звонко сталкивались бокалы и рюмки. – Не боги горшки обжигают! Главное, докторскую к тридцати трем защитить, а дальше все само собой покатится…».

Жизненный план был расписан как по нотам. После окончания института – ординатура, затем – аспирантура. В двадцать девять лет – защита кандидатской диссертации, а сразу после нее, за три-четыре года, делается докторская. Тут что важно? Важно тему для кандидатской выбрать с умом, такую перспективную, которая может развиться до докторской. Ну и не отвлекаться на пустяки, это уж само собой. В частности, Кирилл решил, что женится он только после защиты докторской. Тридцать три года – самый подходящий возраст для женитьбы. И не старик еще – далеко не старик! – и не сопливый младенец, плохо представляющий все сложности семейной жизни.

Считается, что учиться медицине сложно, но Кирилл особых сложностей не замечал. Он легко сдавал экзамены даже по таким трудноусвояемым предметам, как анатомия, биохимия или фармакология, не говоря уже о нервных болезнях. Иначе и быть не могло, ведь половина преподавателей знала Кирилла «еще вот такусеньким», а другая половина знала, чей он сын и что, следуя семейным традициям, он обязан учиться на отлично. Если Кирилл на экзаменах «плавал» в каких-то вопросах, то его наводили на правильный ответ или задавали вопрос полегче. А некоторые экзаменаторы, вроде заведующего кафедрой патологической анатомии Мантуро?вского, отвечали на вопросы сами: «Так что же приводит к развитию гранулематозного воспаления?.. Верно – функциональная несостоятельность фагоцитов. Если уж не можем съесть врага, так хотя бы изолируем его…». Ну а зачем зверствовать? Во-первых, студент не может знать предмет так, как преподаватель, поскольку студенту много чего изучать приходится, а преподаватель много лет преподает одно и то же. Силы явно неравны, да и весовые категории тоже. Во-вторых, во время обучения многое вообще не запоминается – вылетает из головы сразу же после экзамена или зачета. Хорошо запоминается только то, что интересно и то, что нужно на практике. Для того, собственно, и придумали клиническую ординатуру, чтобы за два года разложить все нужные знания по полочкам. В вузе ты получаешь диплом, а в ординатуре – учишься своему ремеслу. В аспирантуре продолжаешь ему учиться (врачи вообще всю жизнь учатся, потому что наука на месте не стоит) а заодно пишешь диссертацию.

Ординатуру Кирилл проходил дома, в Ярославле, в хорошо знакомой всем студентам девятой больнице, под началом доцента кафедры госпитальной хирургии Троицкого, закадычного отцовского приятеля. Троицкий (а наедине – просто дядя Сережа) учил добросовестно – первый год брал Кирилла ассистентом чуть ли не все свои операции, а на втором году сам ассистировал ему… Изменение статусов не привело к изменению ролей. На самом деле все оставалось как прежде – наставник делал дело, а ученик стоял на подхвате. Но дядя Сережа был человеком деликатным и свою ведущую роль не выпячивал, так что к концу ординатуры Кирилл считал себя состоявшимся хирургом, пусть пока еще не корифеем, но уже не салажонком.

Он бы и аспирантуру в родных стенах прошел, да не сложилось. Тонкая интрига, выстроенная матерью ради создания места для сына, закончилась ничем – кто-то в верхах в самый последний момент все переиграл. Но у предусмотрительных родителей имелся запасной вариант – целевое место в московском центре хирургии имени академика Петровского.

– Так даже лучше, – сказал отец. – На людей посмотришь, себя покажешь, связи полезные заведешь. Кто знает как жизнь повернется? Может, после аспирантуры в Москве останешься…

– Ну уж нет! – сказала мать тоном, не допускавшим никаких возражений. – Никаких «останешься»! Что ты там будешь делать среди чужих людей? Дома, как известно, и стены помогают. Кто в Москве позаботится о том, чтобы ты скорее защитил докторскую? Да тебя там вообще ассистентом ни на одну кафедру не возьмут! Своих хватает! В лучшем случае станешь старшим лаборантом, мальчиком на побегушках.

Самому Кириллу никуда уезжать не хотелось. Дома ему жилось замечательно. Родители милые, свободу не ограничивают, мозг особо не сверлят (ну разве что мама иногда прочтет нотацию), да и своя личная берлога имеется – большая трехкомнатная квартира на улице Пушкина, доставшаяся от родителей матери. Все кругом свое, родное, хорошо знакомое – и места, и люди. А как оно в Москве будет – еще бабушка надвое сказала. Но что поделать? Не терять же год попусту. Да и не факт, что в следующем году родителям удастся организовать для него аспирантское место в Ярославле… «Ничего, – успокаивал себя Кирилл. – Пора, наконец, становиться самостоятельным. Тем более, что не на Камчатку уезжаю… Москва рядом…».

С одной стороны, Москва находилась рядом, всего в двухстах пятидесяти километрах от Ярославля. Три часа езды, что на машине, что на поезде. А с другой стороны это был открытый космос, неведомый, чужой, пугающий, манящий и одновременно отталкивающий… Когда Кирилл выходил из поезда на перрон Ярославского вокзала, у него было такое ощущение, будто он шагнул в пустоту. Смешно! И вокзал хорошо знаком, бывал здесь не раз, и люди кругом, а сердце тревожно ёкает и на душе как-то муторно.

Одно слово – пустота.

Интермедия первая. Розовая свистулька

– Кирюша, ты помнишь, что я рассказывала про гжельскую роспись? Какие цвета в ней используются?

– Белый и голубой!

– Тогда почему ты раскрасил свистульку розовым? И другие картинки у тебя тоже розовые. Вот здесь, на обложке, есть пример – гжельский самовар. Если ты забыл, как надо…

– Я не забыл, Елена Ивановна. Белый и голубой.

– Тогда почему ты раскрасил розовым, а не голубым?

– Я как-то не подумал об этом, когда красил…

Глава вторая. Колбасник

Клиническому ординатору Барканскому нравилось оперировать, а вот аспирант Барканский от участия в операциях всячески старался уклоняться, потому что оперировать в «Петрике» (так аспиранты и не только они называли Центр имени Петровского) было неуютно.

Операционные медсестры, все, как одна, мнили о себе невесть что. Фурии, сущие фурии! Держались заносчиво, если не сказать – нагло, аспирантов и ординаторов считали ниже себя, огрызались в ответ на вежливые замечания, а сами позволяли себе высказывать любую критику, которая только приходила им на ум. Если в родной «девятке» медсестры подавали врачам нужные инструменты, не дожидаясь, пока их об этом попросят, то здесь непременно нужно было попросить, причем со словами «будьте добры» или «пожалуйста», иначе притворится, будто не услышала. И это во время операции, когда дорога каждая секунда!

Медсестры не радовали, но местные врачи были еще хуже. Резкие, недружелюбные, а некоторые так просто грубые. Аспиранта Сашу Авдошина из Нижнего, с которым Кирилл сдружился, во время операции однажды назвали «косоруким рукожопом». И за что? Ни за что! Точнее, за то, что с сосуда соскочил зажим, наложенный самим оперирующим хирургом. А когда Авдошин попытался возмутиться, его обозвали скандалистом и обвинили в том, что он

создает в коллективе нездоровую обстановку.

– Вот если бы я был неизлечимо болен, то нагрузился бы взрывчаткой и взорвал тут все нахрен вместе с собой! – сказал с сердцах Саша после двойной выволочки – сначала его отчитал заведующий кафедрой академик Белянчиков, а затем заместитель главного врача по хирургии, привыкший употреблять выражения покрепче «косорукого рукожопа».

– Забей! – посоветовал Кирилл. – Если все брать в голову, то двинуться недолго. Уже меньше трех лет осталось… Время работает на нас!

Советы давать легко, но у самого как-то не получалось «забивать» и «не брать». Переживал, пыхтел, считал дни до окончания аспирантского срока, который только-только начался. Тут все, как в армии – сначала очень тяжело, потом – терпимо, ближе к концу – нормально, а под конец – зашибись-малина. Но до этой малины было еще далеко.

«Два дежурства в месяц есть? – рассудил Кирилл. – Есть! Вот на них и буду оперировать, чтобы квалификацию не терять. Этого вполне достаточно. А совершенствоваться стану дома, после аспирантуры».

В Центре, битком набитом ординаторами, аспирантами и энтузиастическими студентами, которых хлебом не корми, только дай у операционного стола постоять, недостатка в ассистентах не было, и потому уклоняться от участия в операциях удавалось легко. А через месяц-другой все усвоили, что аспирант Барканский всегда готов стать соавтором (то есть – готов написать научную статью за кого-то из старших товарищей), а вот ассистировать он не любит. Не любит, так не любит. Его дело.

Если уж говорить начистоту, то примерно пятая часть тружеников скальпеля, владеет им плохо или совсем не владеет, но это не мешает им оставаться в хирургии, потому что далеко не все хирурги оперируют. В поликлиниках проводятся самые простые операции, вроде вскрытия фурункула или удаления вросшего ногтя, которые и операциями-то называются чисто формально. Дежурный хирург приемного отделения обычно занимается только оформлением поступающих пациентов и лишь в крайнем-раскрайнем случае может привлекаться на операцию в качестве ассистента (не годится же ворота без привратника оставлять!). Во многих отделениях есть вечные ассистенты или,

как их еще называют – «крючконосцы», потому что их участие в операции сводится к держанию крючков, расширяющих операционную рану, и прочим несложным манипуляциям. А то, бывает, хирург и в крючконосцы не попадает, в операционную никогда не заходит, а занимается наблюдением прооперированных пациентов. Как говорится, каждому – свое. Во времена оны в девятой больнице древнего города Ярославля работал хирург по фамилии Манясов. У него была очень плохая слава – совсем не умеет оперировать человек! – из которой он при содействии заведующего отделением извлекал весьма неплохую пользу. Манясов назначался чуть ли не на все плановые операции. Узнав по сарафанному радио, что с Манясовым лучше дела не иметь, пациенты просили заведующего отдать их другому хирургу. «В принципе я не против, но без согласия Николая Николаевича рокировки производить не могу, – отвечал хитрован-заведующий. – Врачебная этика не позволяет». А Манясов за свое согласие запрашивал некоторую мзду, которую ему с радостью давали – жизнь-то дороже. Деньги были небольшими и делились напополам с заведующим отделением, но зато капали часто, так что неоперирующий Манясов жил гораздо лучше своих оперирующих коллег. Ну а про спокойствие и говорить нечего, ведь на того, кто не оперирует, шишки градом не сыплются.

Родителям Кирилл вдохновенно врал – все так хорошо, что лучшего и желать нельзя, только вот по маминым пирожкам скучаю. Мама вообще готовила замечательно, а жареные во фритюре пирожки, получались у нее просто невероятными – пышными, с тонкой хрустящей корочкой и обилием сочной начинки. Подруги пытались повторить, некоторые даже наблюдали весь процесс, от замеса теста до подачи на стол, но никому не удавалось добиться желаемого результата – или тесто получится не хрустящим, или начинка будет сухой, а если все вроде сложится, то добрая половина пирожков развалится при жарке. А мама, казалось бы, готовит на автомате, под телевизор или под телефонные разговоры, а пирожки – один к одному. И никогда у мамы ни один пирожок не погиб смертью храбрых во фритюре – все благополучно дожаривались до победного конца. И на завтра ни одного не оставалось – съедались подчистую.

– Ты там особо не суетись, – советовал отец. – Твое главное дело – диссертация. Ну и публикации тоже двигай, их, как денег, много не бывает. Все остальное подождет.

С публикациями дело обстояло просто. Разумеется, никому не известный аспирант не мог пробить публикацию своей статьи в солидном научном

журнале. Но в этот рай можно было въехать на чужом горбу. Точнее – ехали-то как раз на аспиранте, который номинально считался младшим соавтором, но фактически писал работу от начала до конца, а старшие товарищи только свои подписи ставили. Нужна публикация? Иди к доценту или профессору и скажи, что хочешь быть соавтором. Тебе сразу же подкинут тему и обозначат срок сдачи.

Писать научные статьи – дело несложное, нужно только руку набить, усвоить правильный алгоритм. Если усвоил, то сможешь испечь вкусный пирожок с любой начинкой, то есть сможешь качественно раскрыть любую тему, начиная с локального криогемостаза при повреждениях печени и заканчивая эндоскопической диагностикой полипов желудка. Мама, виртуозно владевшая этой наукой, выдрессировала Кирилла на первой же статье, которую он готовил для студенческого научного сборника. Восемь раз переписал – запомнил на всю жизнь. Да так запомнил, что в пример ставили.

– Учитесь у Барканского умению излагать свои мысли! – говорил чуть ли не на каждом собрании заведующий кафедрой. – Я душой отдыхаю, когда читаю его работы. Каждое слово на своем месте, все логично и без пустопорожней белиберды… Как будто не аспирант писал, а профессор!

При таких способностях Кирилл просто не мог не стать постоянным соавтором заведующего кафедрой. Вкалывал, как раб на галерах, бывало, что и засыпал за столом, используя клавиатуру вместо подушки, но зато имел втрое больше публикаций, чем другие аспиранты, а в перспективе маячила монография. Монография в соавторстве с академиком! Разве плохо? Очень даже хорошо! Опять же, расположение академика Белянчикова сделало пребывание Кирилла в аспирантуре более-менее комфортным. Попробуют чем-то нагрузить (а аспирантов и клинических ординаторов вечно чем-то грузят), а ты в ответ: «простите, но не могу – делаю срочные переводы для шефа». К шефу же с уточнениями никто не сунется – он, несмотря на свою потомственную интеллигентность, может по таким адресам послать, которые не каждый доктор филологических наук знает.

Быт со временем тоже наладился – из Медведкова (поближе сразу найти приличное жилье не удалось) Кирилл переехал в благоустроенную однушку на Кооперативной улице, откуда до Центра было рукой подать. Вдобавок новая квартира обходилась на три с половиной тысячи дешевле прежней – вот вам еще одно подтверждение пословицы «В Москве по запросу торг». Переезд оказался

удачным со всех сторон. Мало того, что ближе, дешевле и поблагоустроеннее, так еще и в квартире напротив обнаружилась милая одинокая дама раннего бальзаковского возраста по имени Инна. Сразу же после знакомства Кирилла пригласили на чашечку кофе, а сразу же после кофе увлекли в постель (он даже малость обалдел от столь стремительного развития событий). Но лучше уж раньше, чем позже, и вообще нежданная радость вдвойне приятнее. Особенно, если тебя не пытаются опутать обязательствами, а просто любят. Да и вообще надо же с кем-то общаться. С однокурсниками, которые продолжали учебу в столице, встречаться не тянуло. Они сразу бы начали расспрашивать про аспирантские дела, а Кириллу не хотелось ни врать, ни рассказывать правду. Лучше уж общаться с теми, кто вместе с ним варится в этом котле, или же с людьми, далекими от медицинских дел, вроде Инны.

Новый год Кирилл встречал дома, с родителями. Обычно во время других застолий чокаться у них было не принято, потому что мама эту простонародную привычку не любила. Но под бой курантов, сам Бог велел воскликнуть: «За все хорошее!» и сблизить бокалы так, чтобы они своим задорным звоном перекрыли этот бой. А затем полагалось успеть пригубить вино (вместо нелюбимого всеми шампанского обычно пили белое сухое) до последнего удара – начинали пить в этом году, а заканчивали уже в следующем.

То ли Кирилл слишком энергично двинул свой бокал вперед, то ли заслуженный представитель королевской марки баккара?, купленный еще в дореволюционные времена, решил, что с него достаточно, но в руке Кирилла осталась только ножка, а отломившаяся верхняя часть упала на стол и разбилась вдребезги.

– На счастье! – бодро сказал отец.

Кирилл схватил другой бокал, благо стол был накрыт «с перебором», в расчете на тех, кто придет поздравлять, и даже успел плеснуть в него вино до последнего удара, а вот чокаться с родителями по новой (осторо-о-ожненько!) и пить пришлось уже в наступившем году. Вроде бы и пустяк, но неприятный осадочек в душе остался – жди, мол, Киря, пакостей в новом году, раз уж ритуал не сложился.

Кто ждет, тот непременно дождется – это аксиома. Первой пакостью стал «гусарский насморк», которым, сразу же по возвращении в Москву, наградила Кирилла милая соседка, неудачно поразвлекшаяся на новогоднем корпоративе в своей торговой конторе. «Хорошо, что только «насморк», сказал себе Кирилл и

свел отношения с Инной до прохладных соседских. Инна, правда, клялась, что это всего лишь последствие пьяной ошибки и что ничего подобного она себе больше никогда-никогда не позволит, но Кирилл твердо стоял на своем. Соседка обиделась и, в свою очередь, свела отношения к нулю – при случайных встречах демонстративно отворачивалась в сторону. Оно и к лучшему – зачем ненужные церемонии разводить?

В начале февраля у Кирилла в метро вытащили из кармана куртки бумажник, в котором было двенадцать тысяч рублей плюс какая-то мелочь. Сработал профессионал – Кирилл хватился бумажника только дома, когда снял куртку и обратил внимание на то, что «молния» на кармане расстегнута. Денег, конечно же, было жаль, но что толку сокрушаться о утраченном? Из случившегося Кирилл сделал правильный вывод. На следующий день приобрел тонкую кожаную сумочку, которая крепилась на ремень и была совершенно незаметна под пиджаком или джемпером. Сумочка служила бумажником. В одном отделении – мелкие купюры, а в другом – крупные и банковская карта. Удобно и надежно, потому что до сумочки никакой профессионал добраться не мог, разве что с бездыханного тела снять.

Кирилл понадеялся, что на этом все несчастья закончатся, ведь закон парных случаев исчерпал себя, но оказалось, что проклятый бокал действовал по принципу «Бог любит троицу». На втором февральском дежурстве Кириллу выпало оперировать сорокалетнего мужчину с перитонитом… История пациента была анекдотичной. Впрочем, если принимать во внимание исход, анекдот был скверным, в духе писателя Достоевского. В научном центре хирургии имени академика Петровского! У пациента с удаленной опухолью трахеи! Хирурги профукали острый аппендицит! Который вскорости привел к развитию острого перитонита! Кому рассказать – так не поверят. Но это правда, истинная незамутненная правда и ничего, кроме правды. Недаром же говорят злопыхатели, что каждый врач видит только то, что укладывается в рамки его кругозора. Когда пациент пожаловался на неприятные ощущения в животе, палатный врач сказал, что ничего страшного нет, живот на ощупь мягкий, и назначил слабительное. Слабительное не помогло, даже наоборот – неприятные ощущения переросли в болезненные. Тогда заведующий отделением торакальной (в просторечии – грудной) хирургии, между прочим – доктор медицинских наук и врач высшей категории – отменил слабительное, строго отчитал палатного врача прямо во время обхода, назначил пациенту первый диетический стол, который называется «водой на киселе» и порекомендовал сделать ультразвуковое исследование органов брюшной полости. Исследование назначили на понедельник – ну не пожар же, в конце концов! – но в ночь на

воскресенье пациент «захреновился» и утром предъявил дежурному врачу твердый, как доска, живот в сочетании с температурой в тридцать девять и шесть десятых. О такой простой вещи как аппендицит никто прежде не думал, ведь пациенту было сорок лет, а воспаление червеобразного отростка обычно встречается-случается у молодых. Короче говоря, в передовом хирургическом стационаре гениальные хирурги пропустили у пациента аппендицит, довели до осложненний, а расхлебывать эту неаппетитную кашу пришлось аспиранту Барканскому. Так вот встали на небосводе планеты, будь они трижды неладны!

Если уж что-то пошло не так, то, согласно вселенскому закону подлости, не так пойдет все-все-все. Мало того, что операция была экстренной и сложной, так еще и ассистент попался из разряда «не пришей туда рукав», от анестезиолога даже через маску ощущался спиртной дух, а операционная медсестра, которой по должности положено быть быстрой-шустрой, тормозила, как зимняя муха. Да вдобавок еще и огрызалась на каждое замечание, как это было здесь заведено.

Кирилл старался изо всех сил, потому что мужика было жалко чисто по-человечески. Совсем молодой – и такие проблемы! Сначала опухоль, хорошо еще, что доброкачественная, а затем – перитонит, причем на пустом месте. Почесали б коллеги свои репы пару дней назад, сделали бы вовремя несложную операцию и все было бы хорошо. Но все получилось плохо – пациент умер на операционном столе в тот момент, когда Кирилл подумал: «ну, вроде как, пронесло». Тут он, конечно, сплоховал – не стоило забегать мыслями вперед, ведь загад, как известно, не бывает богат. Ну и еще по ходу операции допустил пару-тройку огрехов. Торопился-нервничал, да ассистент-неумеха, да медсестра-хамка, да анестезиолог-алкаш… Одно к одному, второе к третьему, вот и дошел пациент до посмертного эпикриза.

Сказать, что Кирилл расстроился, означало не сказать ничего. Первый раз в жизни у него умер пациент. И где? В Центре имени академика Петровского! Это вам не районная больница, где все можно сгладить да замять. Смерть пациента всегда переживательна, а уж первая, так втройне. Кирилл не помнил, как он дошел до дома и не понимал, как он вместо своей квартиры оказался в соседней. Запомнилось только, как Инна рыдала у него на плече и в невесть какой раз просила прощения за тот посленовогодний «насморк»…

Шухер вышел изрядный. Мало того, что позор позорный – в лучшем хирургическом стационаре великой страны пациент скончался от перитонита, вызванного несвоевременной диагностикой острого аппендицита! – так еще и

вдова начала строчить жалобы во все мыслимые и немыслимые инстанции, вплоть до президентской администрации. Разве что в Европейский суд по правам человека не нажаловалась. А может и туда написала, только там внимания не обратили.

Великий закон, не знающий исключений, гласит, что крайним всегда оказывается самый младший. На него бодро вешают всех собак и строго наказывают, чтобы другим неповадно было. Таково селяви, как выражался один из довлатовских героев.

Кириллу не хотелось отвечать за чужие ошибки и портить свой профессиональный анамнез в самом начале карьеры тоже не хотелось. Пришлось рассказать все родителям. А от кого еще можно было ожидать помощи? От академика Белянчикова? Ой, не смешите! Этот хмырь прежде так и лучился дружелюбием, а теперь смотрел на аспиранта Барканского так, как волк смотрит на намеченную к съедению овцу – строго и с некоторой настороженностью. Но не на такого напал, волчара позорный! За аспирантом Барканским стояли славные предки-врачи, а также мама и папа.

– Влип ты, однако, – посочувствовал отец, выслушав печальный рассказ Кирилла. – Эх, лучше бы ты у меня остался работать, а защиту я тебе как-нибудь и без аспирантуры обеспечил…

– Поздно пить боржом, когда почки отказали, папа, – напомнил сын. – Мне надо как-то расхлебывать эту кашу, а я не понимаю как это можно сделать!

– Давай начнем ab ovo,[1 - «Ab ovo» (в буквальном переводе с латыни «от яйца») – устойчивый фразеологический оборот, обозначающий «с самого начала».] – сказал отец. – Перитонит у него развился в отделении, так ведь?..

Стратегию защиты отрабатывали на маме, которая, даром что была терапевтом, некоторыми особо каверзными вопросами загоняла отца в тупик, из которого он не сразу находил выход. Но все же находил и после двухдневных домашних репетиций Кирилл возвращался в Москву словно сказочный царевич, получивший от доброй волшебницы непробиваемо-несокрушимые доспехи. Наших гнобить? Накося выкуси и утрись!

Гнобить аспиранта Барканского собрались на специально созванном собрании – так было внушительнее. Сначала выступил зам по хирургии, затем – заведующий торакальным отделением, а заключительное слово сказал академик Белянчиков…

Заключительное?! Как бы не так! Кирилл, намеренно севший в первый ряд – смотрите, я не прячусь! – встал и сказал, что даже гитлеровские фашисты, эти кровожадные звери в человеческом обличье, предоставляли обвиняемым возможность выступить, пусть, даже, это выступление оказывалось и последним в их жизни. А здесь, понимаете, собрались записные гуманисты, которые…

Развить мысль дальше ему не позволили. Академик Белянчиков вяло указал мосластой рукой на кафедру – извольте! Небось думал, скотина этакая, что аспирант Барканский примется бекать-мекать, юлить-изворачиваться и молить о снисхождении… А вот вам то самое кое-куда, чтобы голова не качалась! Кирилл встал за кафедру, окинул зал строгим взглядом и решительно устремился в атаку на своих многочисленных оппонентов.

Давайте начнем с того, где именно у пациента развился перитонит! Что по этому поводу скажет нам заведующий торакальным отделением? В чужом глазу соринку видим, а в своем кучу дерьма не замечаем? Как же вам не ай-яй-яй! Упустили? Упустили!

А что нам может сказать заведующий оперблоком по поводу своих медсестер? У вас хамство и саботаж считаются нормой? Хорошо, тогда не придирайтесь к тому, что я затянул операцию, поскольку задержка была вызвана действиями операционной медсестры, которая реагировала только на повторные просьбы и шевелилась так медленно, будто накануне изрядно напилась…

А что касается анестезиолога, так от него конкретно разило хмельным духом, который лично я ощущал через две маски – его и мою! Хороши у вас порядочки, нечего сказать! Вот если об этом узнают журналисты… Ладно, эту тему пока развивать не будем. Давайте лучше поговорим о том, почему при остром перитоните не была произведена декомпрессия желудочно-кишечного тракта через зонд. Ваш достопочтенный анестезиолог вообще знает о существовании такого инструмента, как назогастральный зонд? Как-то я сомневаюсь…

Что же касается заключения вашего придворного патологоанатома, который пространно описывает мои мнимые ошибки, то по этому поводу я могу сказать только одно – рука руку моет! Докажите мне, что перфорацию подвздошной кишки произвел я, а не ваш горе-прозектор! Докажите, а потом уже обвиняйте! Ах, изменения в месте перфорации произойти не успели, потому что пациент вскоре скончался? А может дело в том, что перфорация посмертная? Тут есть над чем подумать и что рассказать журналистам тоже есть… Ладно, эту тему пока развивать не будем. Давайте лучше поговорим о том, почему вы выбрали в козлы отпущения аспиранта-первогодка, который, не покладая рук, строчит научные работы для старших товарищей… (Мама не рекомендовала говорить об этом, но Кирилл решил, что кашу маслом испортить нельзя). Разве я плохо стараюсь? Неужели я сам себе враг? И зачем вы так со мной поступаете?

На этой надрывно-трагической ноте Кирилл закончил свое выступление. Не сел, а рухнул в кресло, будто обессилев, и спрятал лицо в ладонях, чтобы никто не увидел ехидной улыбки, которую не получилось бы скрыть. Со стороны это выглядело хорошо – отчаявшийся человек пытается взять себя в руки.

На деле же брать себя в руки пришлось оппонентам. Сначала они растерянно переглядывались, не понимая, откуда в аспиранте Барканском взялось столько борзоты, но в конце концов академик Белянчиков подтвердил народную мудрость, гласящую, что старый конь борозды не испортит.

– Надо признать, уважаемые коллеги, что мы с вами немного увлеклись и оторвались от реальности, – сказал он. – Нам бы в зеркало почаще смотреть, а не того-этого, понимаете ли… Кирилл Мартынович выступил эмоционально, но, по существу, он все сказал верно. Так нельзя…

«Выигрывает тот, кто лучше оправдывается, – подумал Кирилл, убирая руки от лица. – Качай права – и все будет трын-трава».

– Вы даже не мясник! – сказал Кириллу после собрания заведующий патологоанатомическим отделением, которого Кирилл в своем эмоциональном спиче назвал «горе-прозектором». – Вы – колбасник! Вам можно доверить только колбасу фаршем набивать, ни на что большее вы не годитесь.

– Колбаса – хорошая штука! – ответил Кирилл, улыбнувшись во все тридцать два белоснежных зуба. – Что бы мы без нее делали, а?

Горе-прозектор трагически всплеснул руками и огляделся по сторонам в поисках союзников, но потенциальные союзники проходили мимо, не выказывая желания присоединиться к дискуссии. Собрание устроили в конце рабочего дня и сейчас все торопились на волю.

– Нахальство – второе счастье, – грустно констатировал горе-прозектор. – Надеюсь, вы понимаете, что здесь вам не дадут закончить аспирантуру…

Когда Кирилл поделился этим опасением с родителями, отец молча сложил пальцы в кукиш, а мама обстоятельно объяснила расклады.

– Да ну?! – картинно удивился Кирилл. – Целевому аспиранту? Не смешите, мы не в цирке! Меня можно отчислить только за прогулы, но я никому такой возможности не предоставлю!

– Еще и защититься нужно будет, – горе-прозектор многозначительно посмотрел на Кирилла. – А это, знаете ли…

– А это, знаете ли, итог моей подготовки, – подхватил Кирилл. – И если меня попытаются завалить, то получится некрасиво – три года получали за меня плату, а результат нулевой? А какой может выйти скандал…

Кирилл предвкушающе зажмурился, покачал головой и поцокал языком. Когда открыл глаза, то собеседника перед собой не увидел.

– Так громче музыка, играй победу! – промурлыкал себе под нос Кирилл. – Мы победили, и враг бежит-бежит-бежит…

К победительному настроению примешивалась гордость. Молодец! «Наш Кирилл всех умыл!», сказал бы сейчас отец. Ничего – скажет чуть попозже, вечером, когда услышит подробный отчет о собрании.

Будущее виделось напряженным, поскольку теперь нужно будет держать ухо востро и вести себя идеально, чтобы не давать врагам (да – именно врагам, иначе их и не назвать) поводов для сведения счетов. Ничего – выдержим! Такая закалка и в будущем пригодится, потому что во врачебной работе самое главное – не подставляться.

Разумеется, творческому сотрудничеству с заведующим кафедрой пришел конец. Академик Белянчиков принес качество «своих» научных работ в жертву амбициям. Отныне единственным соавтором Кирилла стал его научный руководитель профессор Аминов, тихий, спокойный, неконфликтный человек, давно потерявший вкус к жизни. Необходимое количество публикаций Кирилл набрал уже к концу второго года, а на третьем выкинул фокус – написал статью по своей теме, отдал на рецензирование дяде Сереже и через одну фирмочку протолкнул ее в «Вестник хирургии». А когда Белянчиков на кафедральном собрании высказал недовольство таким «самоуправством», Кирилл попросил показать ему закон, предписывающий аспирантам проводить все публикации через ту кафедру, на которой они проходят аспирантуру. Или, может, у кафедры есть монопольное право на исследование специфики хирургического лечения осложненных язв двенадцатиперстной кишки? И что значат слова «неприлично играть на чужом поле»? Лично мне ярославский мед не чужой! Белянчиков пыхтел-хмурился, но возразить ему было нечего, потому что аспирант Барканский был кругом прав.

Защитился Кирилл гладко. Каверзных вопросов ему не задавали, топить не пытались, а «против» проголосовало только двое. Конечно же, всем хотелось его завалить, но благоразумие одержало победу над ненавистью. Вместо банкета, на который все равно никто бы не пришел, Кирилл устроил двухдневный праздник в Ярославле – сначала обмыл свое кандидатство с родителями и друзьями семьи, а на следующий день устроил барные посиделки с однокашниками.

– Какие ощущения, товарищ кандидат? – поинтересовался отец, открыв дверь блудному сыну, явившемуся домой под утро.

– Самые замечательные! – заверил сын, опираясь рукой на косяк. – Жизнь вошла в колею.

Как известно, в каждой бочке меда непременно должна быть ложка дегтя. Свежеиспеченного кандидата медицинских наук немного огорчал «технический регресс» – некоторая утрата хирургических навыков. После того случая он оперировал мало и всегда в качестве ассистента. Академик Белянчиков перестал бы уважать себя, если бы хоть чем-то не напаскудил строптивому аспиранту. Но на самом деле он не напаскудил, а помог. Кириллу и самому не хотелось самостоятельно оперировать в Центре, потому что любая операция – это лотерея. Вроде бы сделаешь все правильно, а что-то, тем не менее, пойдет

не так. А подставляться снова ему было нельзя – сожрали бы с потрохами. Нет, лучше уж пусть других жрут…

Навыки – дело наживное. В благоприятной обстановке Кирилл рассчитывал восстановить их за месяц, максимум – за два. А затем нужно будет сделать какую-нибудь особо сложную операцию, чтобы себя показать и злопыхателям нос утереть. Жизнь покажет, кто из нас колбасник, а кто – корифей!

Выполнив программу-минимум, ассистент кафедры госпитальной хирургии Барканский сразу же начал работу над докторской диссертацией, посвященной лечению язвенных кровотечений.

– Что же ты за три года никого в Москве не присмотрел? – подкалывал отец.

– Я туда не за этим ездил, – серьезным тоном отвечал Кирилл.

Все московские связи, кроме вялотекущего, то разгоравшегося, то затухающего романа с Инной, были мимолетными и носили чисто развлекательный характер. Впрочем, и с Инной, которая больше ничем не «награждала», ничего серьезного быть не могло. К женитьбе Кирилл относился очень ответственно. Люди ошибаются, когда говорят, что женитьба не должна мешать карьере. Женитьба должна способствовать карьере, а не просто «не мешать»! И если ты намерен жить в Ярославле, то и жену надо подыскивать здесь же. Из нужных кругов.

Большинство аспирантов из регионов, в том числе и «целевики» всячески старались остаться в Москве, не мытьем, так катаньем, правдами и неправдами. У Кирилла и в мыслях ничего подобного не было. В Ярославле у него все было схвачено, да и уважения там больше. Доцент – уже фигура. Чтобы в Москве такого уважения добиться, нужно академиком стать.

Глава третья. Мотоциклист

Ассистента Барканского студенты полюбили сразу же – молодой, веселый и занятия у него нескучные. При каждом удобном случае Кирилл Мартынович старался вывести своих учеников «в поле», то есть – к пациентам. Такой подход

был полезен как для студентов, которые лучше усваивали материал, так и для самого преподавателя – если пациенты видят, что ты учишь других, твой престиж сильно возрастает. Заведующий оперблоком как-то раз пожаловался на то, что группы Барканского «вечно путаются под ногами», но тут же получил по ушам от зама по хирургии – терпите, люди не на экскурсии к вам приходят, а по делу!

Студенты однажды тоже нажаловались заведующему кафедрой – мол Барканский нас нарочно запутывает, чтобы выставить дураками. Сказал, что покажет пациента с опухолью печени, а привел к пациенту с хроническим панкреатитом. Что за цирк с конями? Кирилл объяснил, что никакой это не цирк с конями, а выработка умения мыслить самостоятельно, полагаясь только на собственные глаза, уши и пальцы. Ну и, конечно же, на собственный ум, если таковой имеется. Мало ли кто вам что скажет? Мало ли кто ошибется в диагнозе? Академики тоже ошибаются, непогрешимых нет. А отвечать за пациента вам. Так что учитесь-ка думать! Заведующий такой подход одобрил и прорекламировал на очередном собрании.

Больше всего Кирилл любил водить студентов не в операционные и не в палаты, а в приемное отделение, где жизнь била ключом (случалось, что и по голове). В «приемнике» его визиты приветствовались – студенты пациента расспросят, осмотрят, опишут, а дежурному врачу остается только подпись в истории болезни поставить. Разве плохо? А если случай какой-то мутный или стремный, то можно записать в истории совместный осмотр с ассистентом кафедры Барканским К. М., разделить, так сказать, ответственность.

– Врачи всегда спотыкаются на ровном месте, – учил отец. – Проблемы возникают там, где их не ждут. «Всегда начеку» – девиз не только чекистов, но и врачей.

Кирилл эти слова запомнил и был начеку. А как иначе? Ведь на нем лежала двойная ответственность. Налажаешь – опозоришь не только себя, но и славную врачебную династию. Как потом родителям в глаза смотреть?

При всей своей снисходительной демократичности к пропускам занятий Кирилл относился строго. Не из вредности, а потому что по-другому нельзя. Если сегодня закроешь глаза на отсутствие одного студента, то завтра не явятся пятеро, а послезавтра – и вся группа. Так что, простите-извините, но извольте предоставить справку и написать реферат по теме пропущенного занятия.

Справки нет? Первое и последнее предупреждение. Прогуляете без уважительной причины еще раз – будете объясняться с деканом. Нужно с первого дня дать понять ученикам, что проще прийти на занятие, чем не прийти, и тогда с посещаемостью все будет в порядке.

– Логвинов вчера упал с мотоцикла, – доложил один из студентов, едва Кирилл вошел в свой кабинет, точнее – в учебную комнату, которая по совместительству служила ему кабинетом, поскольку ассистентам отдельных хором не полагалось. – Получил закрытый перелом лучевой и локтевой костей, правых, в травмпункте гипс наложили. Но он сегодня придет…

– Зачем? – удивился Кирилл. – С нерабочей правой рукой на занятиях делать нечего. Да и не стоит проявлять лишнюю активность, пока кости срастаться не начали. Мало ли что.

– Его из травмпункта к хирургу направили, потому что он животом о дорожное ограждение приложился, – пояснил другой студент, живший с Логвиновым в одной комнате общежития. – Но поскольку был уже второй час ночи, а живот практически не беспокоил, он решил отложить консультацию до утра.

– Такие вещи не откладывают, – строго заметил Кирилл. – Странно, что вы этого не понимаете, коллеги.

Логвинов появился к концу занятия.

– Вошел в поворот, а там – песок, – рассказал он. – Стройка рядом, видимо какая-то машина просыпала. Конь – в одну сторону, я – в другую. Хорошо, что животом о железку приложился, а не головой.

Согласно традиции, медиков для обучающих демонстраций стараются не использовать, но случай был хорошим – тупая травма живота полусуточной давности. Грех упускать, да и у Логвинова возражений не было.

– Каждый осматривает пациента, а затем пишет на листочке диагноз и тактику! – распорядился Кирилл. – Листочки сдаете мне. Коллективный разум лучше не включать, думайте самостоятельно.

Студенты не обрадовали – все, как один, порекомендовали наблюдение в поликлинике по месту жительства. Состояние стабильное, давление и пульс в норме, живот мягкий, участвует в акте дыхания, при пальпации отмечается небольшая болезненность в околопупочной области – что, мол, тут еще можно порекомендовать?

– Без ультразвука таких пациентов отпускать нельзя! – сказал Кирилл, несколько смягчив то, что хотелось сказать на самом деле. – Надо убедиться, что органы брюшной полости не повреждены и что в ней нет свободной жидкости. На мягкий живот особо уповать не стоит, поскольку с момента травмы прошло около пятнадцати часов. А боль – вообще очень ненадежный симптом, поскольку болевой порог у всех разный. Так что давайте подкрепим субъективное объективным, а потом решим, что нам делать.

Узист провозился с Логвиновым добрых полчаса, давая по ходу дела пояснения для набившихся в его кабинет студентов, но никакой патологии в брюшной полости не нашел. Заодно и забрюшинное пространство осмотрел, но и там все было в порядке.

– Вот теперь мы можем написать, что на момент осмотра данных за острую хирургическую патологию не выявлено, – Кирилл ободряюще подмигнул Логвинову, – и передать нашего пациента в добрые руки травматолога. Но, если что, Георгий, то я всегда к вашим услугам.

Дело было в пятницу, кстати говоря – тринадцатого числа. В понедельник к Кириллу пришла новая группа, поэтому печальную новость он узнал только во время послеобеденного чаепития. Новость оказалась шокирующей, и это еще мягко сказано – Логвинов умер в общежитии. В субботу боли в животе усилились, но Логвинов (пятикурсник, мать его за ногу!) предпочел решить проблему при помощи коктейлей из обезболивающих препаратов, которые кололи ему соседи по комнате, тоже, между прочим, пятикурсники. Почему кололи? Да потому что таблетки кетонала, которые Логвинов начал принимать еще до обращения в травмпункт, уже не помогали. В воскресенье утром самый умный, а, если точнее – не самый тупой из соседей, предложил вызвать «скорую», но Логвинов ответил, что ему уже лучше и попросил принести холодного пивка. Соседи отправились за пивом вдвоем и отсутствовали около часа, а когда они вернулись, Логвинов уже был мертв. Вскрытие установило, что он умер от прогрессирующей полиорганной недостаточности, возникшей вследствие тупой травмы живота с разрывом тонкой кишки, осложненным

развитием перитонита.

Родители, потерявшие единственного сына, жаждали возмездия, а крайним оказался ассистент кафедры госпитальной хирургии Ярославской государственной медицинской академии Кирилл Мартынович Барканский, который написал в своем заключении, что данных за острую хирургическую патологию нет. Соседи Логвинова по комнате, два олуха царя небесного, сообщили следователю, что их покойный однокашник просил колоть ему обезболивающие уколы, поскольку безоговорочно доверял мнению своего преподавателя. А раз ничего острого хирургического нет, то почему бы не снять боль, которая мешает заснуть?

– Да я и предположить не мог, что студент пятого курса – без пяти минут врач! – может жрать анальгетики при травме живота! – объяснял следователю Кирилл. – Это же азы медицины, основы основ, которые вдалбливаются в голову на третьем курсе! И то, что он будет глушить нарастающую боль анальгетиками, я тоже предположить не мог. Пятый курс – это же почти врачи!

– Но вы же не спросили его, принимал он обезболивающее или нет, – занудствовал следователь Ветошкин, лысый сухарь предпенсионного возраста. – Ведь не спросили же? А должны были спросить! Разве не так?

– Кого другого я бы спросил, но задать такой вопрос пятикурснику мне и в голову не пришло! Это все равно… все равно, что спросить у вас, разряжаете ли вы табельное оружие, перед тем как его чистить!

– Я табельного оружия сто лет в руках не держал, – сухо ответил следователь. – И вообще речь идет не о моих действиях, а о ваших. Так что давайте обойдемся без лирики. Ваши действия попадают под пункт «в» части второй двести тридцать восьмой статьи Уголовного кодекса. Вы умышленно оказали услугу, не отвечающую требованиям безопасности, которая повлекла за собой смерть человека.

– Умышленно?! – ахнул Кирилл. – Вы обвиняете меня в умышленном убийстве?

– Не в умышленном убийстве, а в умышленном оказании недоброкачественной услуги, следствием которой стала смерть вашего пациента, – уточнил следователь. – Давайте не будем передергивать.

– Но какой мог у меня мог быть умысел? – растерянно спросил Кирилл. – Зачем?

– Вы находились в здравом уме? – следователь прищурил глубоко посаженные глаза так, что они превратились в узенькие щелочки. – Вы же знали, как оказывается качественная услуга? Разумеется – знали! Вы же имеете диплом и сертификат. К тому же вы не простой врач, а кандидат наук, сотрудник кафедры! Вы других учите, как нужно работать. Но, тем не менее, вы оказали гражданину Логвинову некачественную услугу. Вы же понимали, что поступаете неправильно, но сделали именно так, как сделали. Умысел налицо, это вам любой юрист скажет. Речь идет не о намерении, как таковом, а о том, что вы сознавали некачественность оказанной услуги…

Вот и объясняйся с таким! Он уже все взвесил, все решил и теперь подводит свою жертву к шестилетней отсидке (именно такое максимальное наказание предусматривала вторая часть упомянутой следователем статьи).

Настроение после разговора со следователем было аховое – то ли в Волге утопиться, то ли яду выпить. Кирилл два часа бесцельно бродил по городу, благо октябрь в этом году выдался сухим и теплым, а дома, вместо утешения, получил выволочку от отца.

– Неужели ты не знаешь о том, что кишечная стенка кишка может разрываться в два момента?! – удивлялся отец. – Сначала – до слизистой, а затем – полностью! В момент осмотра слизистая оболочка пока еще была цела, потому и жидкости в брюшной полости не обнаружилось. Но ты должен был оставить его на сутки под наблюдением! Это же автотравма, в конце концов!

– Да знаю я о двухмоментном разрыве! – обиженно ответил Кирилл. – Если бы речь шла о каком-то лежачем пациенте, я бы подумал об этом. Но передо мной был молодой парень, который сам пришел на осмотр! Спустя пятнадцать часов после травмы, прошу заметить… По логике вещей, с учетом его активности, слизистой давно полагалось разорваться…

– Полагалось?! – передразнил отец. – Где это написано? Твое мышление должно было работать в другом направлении. У молодых ткани крепче и эластичнее, чем у пожилых, стало быть…

– Ты прости меня, папа, – тихо и зло сказал Кирилл, – но у меня такое впечатление, будто я снова со следователем разговариваю. Скажи еще, что я сделал это умышленно.

– От того, что я скажу, ничего не изменится, – вздохнул отец. – Важно, что думают следователи с прокурорами. А у них логика простая – если действовал осознанно, значит сделал умышленно.

– Хватит дискутировать! – вмешалась мать. – Давайте говорить по делу!

– А мы что – анекдоты травим? – нахмурился отец.

– Давайте говорить по делу! – повторила мать, повысив голос, что случалось с ней очень редко. – Кирилл, конечно, сплоховал, это не обсуждается. Надо было спросить про обезболивающие препараты и госпитализировать его для динамического наблюдения…

– Да не лег бы он! – простонал Кирилл, которому и мама теперь напоминала следователя.

– Это его дело! – отрезала мать. – Твое дело – предложить. Но ты не предложил. А почему?

Кирилл молча пожал плечами.

– Потому что на фоне приема кетонала, а, возможно, и чего-то еще, о чем мы не знаем, картина была искажена, – последовала небольшая пауза, во время которой мать посмотрела на отца, а он согласно кивнул. – Но что такое умеренная болезненность при пальпации в околопупочной области? Разве это настораживающий симптом? – родители снова переглянулись. – Отнюдь! Оценив состояние пациента, ты назначил ему то, что посчитал нужным…

– Вот только нужно было сказать, чтобы он сразу же обратился к врачу, в случае ухудшения состояния! – вставил отец.

– Я это на автомате всем говорю, – ответил Кирилл. – Если что, то я всегда к вашим услугам! И ему сказал.

– При свидетелях? – вскинулась мать.

– При всей группе.

– А он вместо этого колол анальгетики! – отец энергично потер ладонью затылок – не иначе как давление подскочило. – Которых ему Кирилл не рекомендовал! Я правильно понимаю, сын?

– Ну я же не идиот, чтобы такое рекомендовать! – укоризненно сказал Кирилл. – Это его личная инициатива.

– Тебя нельзя обвинять в его смерти! – уверенно заявила мать. – Ты допустил ошибку, но пациент умер не из-за нее, а из-за своей дури! Мало ли, что ассистент Барканский снял острую патологию? Надо смотреть на свое состояние, тем более что ты учишься на пятом курсе меда! Нет, что бы они там себе не напридумывали, хороший адвокат от этого обвинения камня на камне не оставит! Если уж кого и судить, так это тех идиотов, которые его кололи. Будь моя воля, я бы их отчислила без права восстановления!

Адвоката нашли хорошего, да и знакомства у родителей имелись повсюду, так что уголовное дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Кирилл прекрасно понимал, что случись с ним нечто подобное в Москве или где-то еще за пределами родного города, легким испугом отделаться бы не удалось – получил бы судимость и хорошо если бы срок оказался условным. С другой стороны, случившееся где-то далеко не пятнало репутацию всей славной династии Антиповых-Барканских, а так злые языки уже начали судачить о том, что природа наконец-то решила отдохнуть на сыне, внуке и правнуке гениальных врачей. Очевидного диагноза не поставил, за деревьями леса не увидел и все такое прочее… Собака лает – ветер носит, а все равно неприятно.

Для того, чтобы заткнуть рты сплетникам, Кирилл, по совету мамы, написал статью в вузовскую многотиражку. Начал с того, что не перестает корить себя – надо было все же госпитализировать Логвинова, а затем перешел к тому, что здоровье человека прежде всего в его собственных руках. Врачи не могут помочь тем, кто ведет себя неразумно. Даже если ты медик и считаешь, что разбираешься в своих болячках досконально, то самолечением все же заниматься не следует. Так что давайте будем внимательнее к себе, а, заодно и друг к другу. Внимательнее – в правильном смысле этого слова. Иногда, ради

блага ближнего, нужно проигнорировать его просьбы и настоять на своем… Получилось очень хорошо, а местами, даже и трогательно. Прочитав беловик, отец хмыкнул и сказал:

– Умеешь ты, сын!

– Стиль хороший? – спросил Кирилл.

– Стиль – это само собой, – ответил отец. – В нашем роду у всех языки хорошо подвешены. Но я имел в виду другое. Выкручиваешься ты хорошо, с достоинством.

Слово «выкручиваешься» немного покоробило Кирилла. Но отец вообще был резковат в выражениях, а иногда и просто груб. Это ему от дедушки передалось, который привык на фронте к тому, что без упоминания чьей-то матери и известного адреса распоряжения не воспринимаются, и в мирной жизни вел себя точно так же. Да и вообще хирургия не располагает к политесам, суровая это профессия.

Интермедия вторая. Операция «Ы»

– Кира! Ну сколько можно ошибаться! Учительница в третий раз пишет тебе: «Вспомни правило!». И я тебе сто раз уже говорила, что после «ж» или «ш» никогда не пишется «ы»! Хоть и слышится, но не пишется! Это правило называется «не верь ушам своим». «Жи» и «ши» с буквой «и» пиши!

– Я помню, мама!

– А почему тогда написал «ошыбка»?

– Когда я писал, не подумал про правило.

– А надо было подумать! Правила учат для того, чтобы их использовать. Мало просто знать, нужно уметь применять полученные знания на практике. Смысл учебы в этом, а не в том, чтобы вызубрить правила… Давай сделаем вот как,

чтобы лучше запомнить. Ты помнишь комедию «Операция «Ы»?

– Помню, конечно! Мы же вместе с тобой ее смотрели. Смешная…

– Помнишь, как главарь преступников предлагает название «Операция «Ы», чтобы никто не догадался?

– Помню.

– Преступники – плохие люди. Они предложили использовать плохую букву «ы». Разумеется, буквы плохими быть не могут, плохими бывают только люди, но в данном случае я говорю это для того, чтобы тебе легче было запомнить и вспомнить в нужный момент. Буква «ы» – плохая, после «ж» и «ш» вместо нее нужно писать букву «и». Ты меня понял?

– Понял, мама.

– Светлана Александровна больше не будет писать тебе замечания по этому поводу?

– Не знаю… Наверное, не будет.

Глава четвертая. Скрытое несчастье лучше публичного позора

Современная хирургия представляет собой сочетание больших дел с маленькими разрезами. Все больше и больше операций, не говоря уже о диагностических манипуляциях, производится лапароскопическими методами – через один сантиметровый разрез вводят обзорный инструмент, называемый лапароскопом, а через другой разрез такого же размера – особые хирургические инструменты, которыми можно манипулировать на расстоянии. Малая травматичность метода дает кучу преимуществ, начиная с быстрого восстановления после операции и заканчивая отсутствием рубцов. Красота!

Любой уважающий себя современный хирург должен уметь делать лапароскопические операции. Во время ординатуры Кирилл кое-чему научился,

рассчитывая отшлифовать полученные навыки в аспирантуре, да как-то не сложилось. Опять же, времена нынче такие, что на каждый чих нужна подтверждающая бумажка. Пройди обучение, получи сертификат – и действуй!

В Ярославле лапароскопическим операциям не учили, за этим нужно было ехать в Москву. Пораскинув мозгами, Кирилл выбрал курсы при Боткинской больнице. Во-первых, там хорошо учили. Учить же можно по-разному. Можно проговорить положенный материал, отработать задания, но так и не научить конкретному делу. А можно и научить. Во-вторых, Боткинская больница была далека от центра хирургии имени академика Петровского. Разумеется, все друг друга знали (медицинский мир тесен), но не пересекались по работе постоянно, так что можно было не опасаться неприятных встреч. В-третьих, заместитель главного врача больницы по хирургии и, одновременно, заведующий кафедрой хирургии Российской медицинской академии последипломного образования Степичев был отцовским однокурсником. Не закадычным другом, а просто знакомым, но и то хлеб – можно было рассчитывать на какие-то привилегии.

Собственно, привилегия Кириллу была нужна всего одна. Ему хотелось за время обучения набить руку как можно лучше, чтобы вернуться домой полноценным «лапароскопистом», умеющим делать любые полостные операции.[2 - Полостные операции или абдоминальная хирургия – общее название всех видов хирургического вмешательства на внутренних органах, расположенных в брюшной полости.]

Лапароскопия – дело тонкое, это вам не дрова пилить. И руки работают совсем не так, как при обычных операциях, и обзор другой, в чем-то лучший, но непривычный. Образно говоря, переход от обычной хирургии к лапароскопической сравним с пересадкой с велосипеда на автомобиль. Автомобиль тоже является колесным транспортным средством, но при этом управляется совершенно иначе. А кафедральному ассистенту и продолжателю хирургической династии роль малоопытного неофита совершенно не к лицу. И вообще учиться ремеслу лучше на стороне. Кирилла сильно коробило, когда кто-то из коллег говорил при народе: «А помните, Кирилл Мартынович, был такой случай… Вы тогда еще Сергею Денисовичу ассистировали на операции…». Ясно же, что не случай ему вспомнить хочется, а хочется лишний раз напомнить ассистенту Барканскому о том, что он когда-то «стоял на крючках». Ясно, что все хирурги начинали на подхвате, но зачем этим то и дело в глаза тыкать? Особенно при студентах. Но что поделать? Приходится улыбаться и отвечать: «Помню-помню». Если покажешь, что выпад тебя задел – затравят-засмеют.

Лучше сделать вид, будто ядовитая стрела не достигла цели.

Отец в свое время поступил очень правильно – после окончания ординатуры уехал в город Ковров и проработал два года в тамошней районной больнице. Опыта набрался, руку набил как следует и вернулся в Ярославль асом хирургии. Возможно, Кириллу тоже стоило бы так поступить, да жаль было терять драгоценные годы. Нынче времена торопливые, стремительные. Вперед-вперед! Быстрей-быстрей! Кто успеет раньше всех, будет у того успех!

С набиванием руки вышел небольшой облом. Выслушав просьбу отца, Степичев сказал, что попросит преподавателей уделять Кириллу побольше внимания, но о практике в свободное время никакой речи быть не может. Никто, мол, из больничных лапароскопистов не согласится учить и наставлять, потому что дел у всех предостаточно. Можно подумать, что Кирилл кого-то сильно бы отвлекал от работы. Постоял бы рядом, посмотрел, что-то бы сам сделал, давая наставнику возможность немного отдохнуть. Не в занятости дело, а в том, что высоко взлетевший однокурсник зазнался. Отец тоже придерживался такого мнения. Не сказать, чтобы его сильно задело, но царапнуть царапнуло – два вечера подряд рассуждал о том, как со временем меняются люди.

– Да не расстраивайся ты так! – попросил Кирилл. – Зазнался – и хрен с ним! Обойдемся! Я договорюсь с кем-нибудь из врачей. Накрою поляну или магарыч выставлю… Короче, я решу эту проблему на месте, не парься.

– Действительно так будет проще, – согласился отец. – И отношение будет лучше. Одно дело, когда тебе начальство велит кого-то натаскивать, и совсем другое, когда человек тебе уважение оказывает. Знаешь, что твой дед говорил…

– Умей дружить – и все у тебя будет! – ответил Кирилл, которому дедовы заветы намертво врезались в память еще в детстве, так часто их повторял отец.

Дружить Кирилл умел, было бы зачем. Если поздравлял, то красиво, если дарил подарок, то хороший, ну а по части угощения придерживался правила «кашу маслом не испортишь» и всегда учитывал гастрономические пристрастия собеседника. Люди же такие разные – один русскую кухню любит, щи-борщи, да жаркое в горшочках, а другому роллы и суши подавай… Но недаром же говорится: «угости – так угоди», приходится соответствовать древним заветам.

Проблема решилась в первый же день учебного цикла. Кирилл походил по коридорам, присмотрелся к людям, выбрал деловитого мужика с добрыми глазами пьющего человека и сделал ему заманчивое предложение. Попал не просто в цель, а в самое яблочко! Мужик оказался деверем заместителя главного врача по клинико-экспертной работе и при такой родственнице ему сам черт был не брат.

– Ну как же не помочь коллеге! – сказал добрый человек, улыбаясь в предвкушении угощения. – Если мы не станем помогать друг другу, то кто нам поможет! Все покажу, всему научу. И научу получше, чем эти «симулянты», которые живых пациентов сто лет не видели.

«Симулянтами» называли преподавателей Медицинского симуляционного центра, в котором учился Кирилл. «Симуляционным» центр назывался, потому что обучение в нем проводилось с использованием симуляционных образовательных технологий – разных манекенов, фантомов да тренажеров.

Учебный цикл длился три недели, поэтому Кирилл не стал искать квартиру, а снял номер в отеле близ больницы, выбив тридцатипроцентную скидку за длительный срок проживания. Февраль – месяц не хлебный, постояльцев мало и потому дирекция гостиницы была покладиста. А напротив гостиницы находился неплохой ресторан, который держали какие-то западные славяне, не то сербы, не то черногорцы. Туда-то Кирилл и пригласил Виталия Семеновича (так звали доброго человека). Посидели-потрындели, выпили-закусили и расстались закадычными друзьями.

– Ты у меня скоро вот так будешь оперировать! – Виталий Семенович, впрочем, наедине уже просто Виталик, завел руки за спину и начал вращать кулаками. – Я из тебя второго Емельянова сделаю! К тебе в очередь за год станут писаться!

Когда изрядно выпьешь, так и тянет верить в самое хорошее. Кирилл слушал, улыбался и согласно кивал – да-да, так оно и будет! А с другой стороны, многого может достичь только тот, кто многого хочет.

В течение первой недели, когда на цикле изучались основы, Кирилл только стоял за спиной у Виталия и слушал его комментарии. Надо сказать, что новый друг объяснял лучше преподавателей – без лишних слов и отвлеченных рассуждений. Как в том анекдоте, где говорится, что проще сказать: «берем эту

хреновину и вставляем ее туды», чем лекцию читать. Опять же – делился мелкими профессиональными секретами, половину которых на курсах никогда не расскажут, потому что с формальной точки они являются отступлением от правил. Короче говоря, Кирилл был доволен и раз в три-четыре дня устраивал очередные ресторанные посиделки.

– Жаль, что ты скоро уедешь, – сокрушался Виталий. – Привык я к тебе, душой прикипел. К хорошим людям сразу привязываешься…

– Ну я же не в Австралию уеду, – утешал Кирилл, рассчитывавший продолжать знакомство с родственником замглавврача крупной столичной больницы. – Будем видеться. Можешь, кстати говоря, и в гости как-нибудь нагрянуть. Летом у нас замечательно…

Со второй недели Кирилл начал проводить ревизии, попросту говоря – осмотры, брюшной полости.

– Кто хорошо видит, тот хорошо оперирует, – повторял Виталий. – В нашем деле надо полагаться не на ловкость рук, а на зоркость глаз. Ловкости тут не проявишь, не те условия.

Собственно, никакой ловкости и не требовалось. Подвел инструмент к нужному месту и нажал на кнопку – вот и вся премудрость. Главное – подвести куда следует и ничего по пути не поранить.

С Виталием в больнице считались и потому ни у кого из сотрудников не возникало вопросов по поводу Кирилла. Точнее говоря, никто таких вопросов не задавал. Только раз один особо дотошный пациент поинтересовался статусом Кирилла и полностью удовлетворился ответом: «это наш научный консультант».

На последней неделе обучения Кирилл самостоятельно произвел холецистэктомию[3 - Холецистэктомия – операция по удалению желчного пузыря.] и устранил грыжу пищеводного отверстия диафрагмы, причем Виталий, выступавший в роли ассистента, ничего ему не подсказывал. Это не самые сложные операции, но для начала очень даже неплохо, особенно с учетом того, что обучение пока еще не закончилось. Правда, пришлось понести дополнительные расходы – на хорошие духи для медсестер и на хороший вискарь для анестезиолога, чтобы держали языки за зубами. Впрочем, дело было

не в духах и выпивоне, а в светлой личности Виталия, который умел дружить с людьми еще лучше, чем Кирилл.

– Даже удивительно, что при твоем опыте, твоем умении ладить с людьми и наличии невестки-зама, ты не заведуешь отделением, – сказал однажды Кирилл.

– Мне предлагали, но я отказался, – усмехнулся Виталий, – не хочу, чтобы меня постоянно драли за чужие ошибки.

По завершении учебы Кирилл решил задержаться в Москве на пару дней. В субботу Виталий дежурил и не хотелось упускать возможность попрактиковаться напоследок, а на воскресенье были запланированы прощальные посиделки. «Ну и погудим же мы с тобой!», радовался друг-наставник, энергично потирая ладони. Надо сказать, что эти застолья изрядно утомили Кирилла, не имевшего склонности к частым и обильным возлияниям, но другой возможности расплачиваться за добро у него не было. Не деньги же Виталию предлагать – оскорбишь хорошего человека!

Субботнее утро неожиданно выдалось скучным. Первого «профильного» пациента – молодого парня с подозрением на острый аппендицит – привезли только в одиннадцатом часу.

– Действуй! – благословил Виталий. – Ты ведь уже готовый специалист.

Для обеспечения хорошего обзора и более-менее удобного доступа к органам брюшной полости во время лапароскопического вмешательства, в брюшную полость, через длинную иглу, специально предназначенную для этой цели, предварительно нагнетается углекислый газ. В иглу вмонтирован подпружиненный тупоконечный стержень, который при отсутствии давления на его наружный конец выступает за пределы острия иглы, а при давлении уходит внутрь. Таким образом органы брюшной полости защищаются от случайного повреждения иглой – как только ее острие проникает в брюшную полость, стержень сразу же выдвигается вперед, делая иглу безопасной.

Иглу полагается вводить через пупок или сразу же над ним, но в этом месте у молодого человека находился вертикальный рубец, оставшийся после ножевого ранения, полученного два года назад и последовавшей за ним операции. Правила рекомендуют отступать от рубцов не меньше, чем на пять сантиметров,

поэтому Кириллу пришлось взять немного правее. Парень был не просто худым, а тощим – еще чуть-чуть и живот прилипнет к позвоночнику. Может, с эстетической точки зрения оно и плохо, но для лапароскопических манипуляций очень удобно. А вот выраженное ожирение создает врачам проблемы, поскольку длины иглы не хватает на то, чтобы пройти в брюшную полость через толстый слой подкожного жира. Приходится делать две операции вместо одной – сначала разрезать кожу и жировую клетчатку, а затем вводить иглу в рану.

Дождавшись разрешающего кивка анестезиолога, Кирилл двинул иглу вперед и плавно продвигал ее до тех пор, пока не ощутил провала в пустоту. Выполнив положенные тесты, подтверждавшие, что игла находится там, где нужно, а, к примеру, не в полости кишки, он начал нагнетать в брюшную полость углекислый газ. Живот пациента начал раздуваться на глазах.

– Четко действуешь! – похвалил Виталий.

– Учителя были хорошие, – скомплиментничал в ответ Кирилл.

Осмотр показал, что аппендикс в полном порядке. Никакого воспаления нет, следовательно боли в животе вызваны чем-то другим. Чем? Да явно спайками, сформировавшимися после операции двухгодичной давности. Спайки словно бы стягивают кишечник, склеивают органы брюшной полости между собой, отчего и возникают болезненные ощущения.

– Давление падает! – обеспокоенно сказал анестезиолог. – У вас там все в порядке?

– Да вроде все, – сказал Кирилл, снова направив объектив на аппендикс.

– Ну-ка, разреши! – Виталий мягко оттеснил его от лапароскопа. – Так… Б…! Кровь под печенью! Видишь?!

Наличие крови в брюшной полости свидетельствовало о повреждении какого-то кровеносного сосуда. «Но как? – удивился Кирилл. – Я же все сделал правильно?».

Дальше была суета сует – анестезиолог пытался стабилизировать пациента, а Виталий пытался перевязать поврежденный сосуд, который, по закону подлости, оказался правой подвздошной артерией, одной из двух ветвей, на которые делится аорта на уровне четвертого поясничного позвонка. Потрясенный Кирилл впал в прострацию. Он старался исполнять отрывистые распоряжения Виталия, но толку от этого было немного. В голове вибрировала одна-единственная мысль – Виталий ошибается, это не «подвзошка», а какой-то мелкий сосуд, потому что крови в брюшной полости было мало.

То ли Виталий чересчур понадеялся на себя, то ли попросту не хотел засвечивать участие постороннего человека в операции, но сосудистого хирурга, как положено, он сразу же после обнаружения повреждения сосуда вызывать не стал. А когда понял, что без этого не обойтись, было уже поздно.

– Почему так мало крови в брюшной полости? – Кириллу казалось, что его голос звучит откуда-то со стороны.

– Да потому что ты до забрюшинного пространства иглой дошел, – тихо, чуть ли не шепотом, объяснил Виталий. – Бо?льшая часть крови ушла туда… Сделай одолжение – вали отсюда поскорее, тебе тут делать нечего.

– Ну уж нет! – вмешался анестезиолог, переглянувшийся со своей медсестрой. – Мы вас покрывать не станем! Сами натворили – сами и расхлебывайте.

– Я садиться не собираюсь! – добавила медсестра. – У меня дочке пять лет и ипотека.

«А разве я собираюсь?», подумал Кирилл.

Вроде бы и понимал реальность происходящего, но, в то же время, хотелось думать, что все это – дурной сон, кошмар, морок. Вот сейчас он проснется – и все будет хорошо…

От крупных неприятностей Кирилла спасли два обстоятельства. Во-первых, на момент той злополучной лапароскопии у него уже имелось удостоверение о прохождении курса по лапароскопической хирургии, а, во-вторых, у пациента было аномальное расположение правой и левой подвздошных артерий – его аорта делилась надвое выше обычного – на уровне второго поясничного

позвонка. Ну и адвокат, нанятый отцом, тоже постарался изо всех сил, оправдывая свой заоблачный гонорар. Впрочем, то, что адвокат раздал (или якобы раздал?) по нужным кабинетам, вдвое превосходило гонорар. Как сказал отец – «чуть с голой ж…ой не остались». Это был не упрек, а простая констатация факта. Родители понимали, что Кирилл ни в чем не виноват, просто обстоятельства сложились крайне неудачным образом. И, разумеется, не жалели никаких денег ради того, чтобы спасти единственного сына, уберечь его от судимости, а, возможно, что и от отбывания срока.

Виталию досталось сильнее – следователь все-таки дотянул его до суда, а суд признал виновным (доверил операцию постороннему, да еще и сразу же сосудистого хирурга не вызвал!), но наказание назначил мягкое – два года лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора. Поддержка родственницы помогла Виталию удержаться в больнице. Можно сказать, что в его жизни ничего не изменилось – только осунулся немного и глаза потускнели. После суда Кирилл позвонил ему, чтобы поздравить с благополучным исходом дела, но Виталий, вместо приветствия, обложил его многоэтажным матом и сразу же отключился. Не иначе как позавидовал тому, что Кириллу удалось выйти сухим из этой грязной воды, а ему самому не удалось.

Московское происшествие аукнулось в Ярославле. У матери состоялся неприятный разговор с ректором и заведующим кафедрой госпитальной хирургии, на которой работал Кирилл. Поймите нас правильно и не обижайтесь, пожалуйста… Да, такое с каждым может случиться, но репутация нашего вуза должна быть кристально чистой… Не хотелось бы давать поводов для нападок… Не хотелось бы обострять отношения, поэтому дадим возможность уйти по собственному желанию и не станем плохо отзываться… Поговорите с сыном… Надеемся на понимание…

– Репутация! – ярилась мать. – Да плевать им с колокольни на репутацию! Просто этот старый козел (имелся в виду заведующий кафедрой) захотел взять на твое место свою очередную любовницу! И о каком пятне вообще может идти речь? Тебя же не судили!

Однако, успокоившись, она посоветовала Кириллу написать заявление об уходе. Если уж решили, то непременно выживут, не мытьем, так катаньем, так что лучше уйти по-хорошему, без скандала.

– Поработаешь пока в отцовской больнице, а там видно будет. На Ярославском меде свет клином не сошелся… – мать ласково взъерошила сыну волосы. – А может и нашего ректора вскоре снимут. Он не очень-то крепко на своем месте сидит, от собственной тени шарахается.

– Я после такого подлого свинства обратно на кафедру не вернусь! – отрезал Кирилл, донельзя уязвленный тем, как с ним поступили.

– Есть еще кафедра факультетской хирургии и кафедра факультета усовершенствования, – напомнила мать. – Поживем – увидим.

«Докторская зависает, научный стаж прерывается… – грустно думал Кирилл. – В лучшем случае потеряю год…».

Последнюю фразу он машинально произнес вслух.

– Не раскисай! – одернула мать. – Ты мог бы потерять гораздо больше! Как сказал Конан Дойль, скрытое несчастье лучше публичного позора.[4 - Артур Конан Дойль, «Б. 24», перевод В. В. Ашкенази.] Представь, что было, если бы тебя осудили и отправили в колонию.

– Скрытое несчастье? – Кирилл криво усмехнулся. – Да об этом весь город знает. Ко мне теперь-то и на стол никто не ляжет. Станут говорить: «а, это тот самый, который в Москве пациента угробил».

– Мы уже все обдумали, Кирюша, – взгляд матери из строгого стал ласковым. – Папа назначит тебя заведовать оперблоком. Сначала будешь «и.о.», а затем станешь полноценным заведующим. На этой должности тебе оперировать не придется, а если захочешь двинуться по административной линии, то она станет хорошим трамплином. Большинство замов по хирургии выходит из заведующих «приемниками» и оперблоками.

– Я хочу оперировать, мама, – сказал Кирилл. – Очень хочу. Это – мой шанс реабилитироваться. Я должен доказать всем, и в первую очередь самому себе, что я – хороший хирург. У меня нет более важной цели…

– Не торопись! – предостерегла мама. – Пусть все уляжется и забудется, а там, если захочешь, станешь брать операции. Начнешь с экстренных пациентов, которым не до выбора врача, а там и на плановых переключишься. Людская память короткая. Через месяц об этом перестанут судачить, а через три – забудут. Вспомни прошлогодний скандал с урологом Шихтманским из отцовской больницы. Там был аналогичный случай, только он аорту скальпелем зацепил. И кто сейчас об этом вспоминает? Главное – не опускать рук и не впадать в уныние.

В уныние Кирилл не впадал. Ему просто было обидно. Называется – захотел освоить передовой метод. И что в итоге? Уж лучше бы сидел на попе ровно и не дергался.

Глава пятая. Annus horribilis

Ради родного сына отцу пришлось провернуть сложную комбинацию – продавить через департамент отправку на пенсию главного врача пятой поликлиники (шума было много!) и назначение на его должность заведующего оперблоком Якушкина. Тот согласился с радостью – повышение было значимым, да и возможности на новой должности открывались заманчивые.

На освободившееся место никто из больничных врачей не претендовал – потаенная суть происходящего была всем ясна и люди понимали, что Мартын Кириллович не даст спокойной жизни тому, кто посягнет на приготовленное для сына. Ввиду отсутствия желающих из числа старожилов, на заведование поставили недавно пришедшего в больницу Кирилла. Короче говоря, все прошло гладко (иначе у отца и не происходило, потому что он хорошо просчитывал ходы, не зарывался и умел быть благодарным).

– Самое сволочное в твоей работе – это план операций, – предупредил отец. – Если хочешь жить спокойно, старайся сделать так, чтобы все были довольны. Но и на шею садиться никому не позволяй, не давай никому потачки. Будь дипломатом…

Кирилл старался изо всех сил и, вроде как, получалось неплохо. Главное – втянуться в работу, выработать необходимые алгоритмы действий, а дальше все

пойдет, как по маслу. К тому же и условия были благоприятными – с сыном главного врача сотрудники предпочитали ладить. Первые недели Кириллу было не до операций, но затем он начал брать по два дежурства в месяц, несмотря на то что заведующие отделениями от этой повинности были освобождены. Убивал сразу трех зайцев. Во-первых, во время дежурств делал экстренные операции, поддерживал руки в рабочем состоянии. Во-вторых, любому руководителю время от времени нужно оценивать свою работу с изнанки. Заведующий оперблоком видит одно, а хирург в операционной – другое. В-третьих, дежурства были полезны с политической, если так можно выразиться, точки зрения – смотрите, какой сознательный у нашего главного врача сын, затыкает собой дыры в графике дежурантов! Можно и иначе сказать – смотрите, какой принципиальный у нас главврач, сына-заведующего дежурить заставляет! Как ни скажи, а получается хорошо.

Ложкой дегтя в бочке меда была старшая медсестра оперблока, которая крутила амуры с прежним заведующим и была не прочь продолжить крутить их с Кириллом. Убедившись в том, что томные призывные взоры, якобы случайные касания и такая же неслучайная демонстрация прелестей, не оказывают на нового начальника никакого действия, обольстительница попробовала перейти к более решительным действиям – явилась в конце рабочего дня, заперла дверь, уселась на стол, сняла туфли, погладила опешившего Кирилла босой ногой и сказала, что хочет помочь ему «сбросить напряжение». Можно было осадить назойливую идиотку резко, по-начальственному, но Кирилл не стал этого делать – может обидеться и свалить, а лишаться толковой и деловитой старшей медсестры не хотелось. Пришлось срочно выдумывать личный кодекс, запрещавший служебные романы и торжественное обещание, данное отцу перед назначением на заведование. Отказ, который облечен в форму «хотел бы, да не могу», может огорчить, но не оскорбляет – отношения стали ровными, рабочими, а вскоре в больнице появился новый дежурант, на которого обольстительница успешно переключилась.

Кирилл рассказал родителям о том, как его соблазняли – дома было принято обмениваться смешными случаями. Отец смеялся до слез, а мать строго заметила: «однако, вот какие у вас там порядки». Романтические отношения врачей с медсестрами, и, тем более, брачные альянсы между ними в семье Барканских не приветствовались – довольно распространенный, надо сказать, во врачебной среде кастовый предрассудок. Когда один из отцовских приятелей, заведующий неврологическим отделением областного госпиталя ветеранов, развелся с женой, чтобы жениться на своей процедурной медсестре, его перестали приглашать в гости. Мама говорила, что если уж приглашать, то

нужно приглашать обоих – и приятеля, и его бывшую жену, а это создаст ненужное напряжение. Но Кирилл понимал, что причина была в другом – в нежелании сидеть за одном столом с медсестрой. Все люди равны, с этим никто не спорит, но круг общения каждый формирует, исходя из собственных предпочтений.

Ко дню медика Кирилл получил благодарность от областного департамента здравоохранения. Обычная практика: «ты – мне, я – тебе». Отец отметил в докладной записке отличную работу своего зама по хирургии, а тот, в свою очередь, написал в департамент про заведующего оперблоком, который за недолгое свое пребывание в этой должности добился значительных успехов (успехи подкреплялись цифрами, выглядевшими весьма убедительно). По действующему положению, благодарности могли объявляться только тем, кто отработал в данной должности не менее года, но для Кирилла сделали исключение. Кроме этого, отец внес Кирилла в департаментский список кадрового резерва.

– Через год-другой будешь замом по хирургии, – обнадежил отец. – Хорошо бы, если в «девятке». Там все работает, как часы. Порядка почти столько же, что и у меня.

В отцовской больнице порядок был идеальным, разве что строем не ходили. По мнению Кирилла, которое он никогда не высказывал, с порядком отец немного перегибал палку, держал всех подчиненных в постоянном напряжении. Зато пациенты буквально заваливали департамент благодарностями – и сотрудники вежливые, и чистота кругом, и кормят вкусно, и лечат хорошо, и все препараты всегда есть в наличии. Филиал рая, а не больница!

– Я бы предпочел работать у тебя, пап, – ответил Кирилл. – Привык, знаешь ли, к нашей больнице.

– Это невозможно! – отрезал отец. – Теоретически разрешается, но на практике нас кляузами засыплют. А я уже пенсионного возраста достиг, мне рисковать нельзя. Опять же, «девятка» – кафедральная база. Тебе удобно будет совмещать, а заведующему кафедрой очень выгодно иметь в сотрудниках зама по хирургии. Сами обратно тебя позовут, можешь не сомневаться. А нет, так на кафедру усовершенствования устроишься…

В августе сознательный заведующий оперблоком поставил себе четыре дежурства вместо обычных двух. Жизнь заставила. Отпускной сезон в разгаре, а тут еще двое дежурантов разом из строя выбыли – один руку сломал, а другой, находившийся в многолетней завязке, вдруг решил развязать и ушел в запой с концами. С другой стороны, потенциальные пациенты тоже разъехались кто куда, так что поступления были небольшими. Хоть десять дежурств бери – не переутомишься.

Кто на молоке обжегся, тот, как известно, и на воду дует. Нельзя сказать, что неудачный опыт отвратил Кирилла от лапароскопических операций. Просто, если была возможность выбора, он выбирал классический открытый способ. Ну а если пациенту семьдесят четыре года и у него ожирение третьей степени, то тут ни о какой лапароскопическом удалении желчного пузыря и речи быть не может.

«Только бы пузырь не лопнул! – думал Кирилл, орудуя скальпелем. – Только бы не лопнул!».

Опасения были не напрасными – мало того, что набитый камнями желчный пузырь сильно растянут, так еще и эластичность его из-за возраста сильно понижена. Одно неверное движение – и желчь прольется в брюшную полость, а это та еще проблема! К тому же и ассистент попался неумеха – временно привлеченный в дежуранты хирург из поликлиники, который даже крючки толком держать не умел, не говоря уже о том, чтобы чем-то помочь. Но Кирилл блестяще справился с трудной задачей, в очередной раз доказал себе, что хирург он, скромно говоря, неплохой.

На следующий день Кирилла в коридоре подстерегла приехавшая из Москвы дочь пациента, энергичная дамочка, в которой с первого взгляда угадывался успешный менеджер среднего звена. Первым делом дочь поинтересовалась, почему операция была проведена без ее ведома и согласия. Мало что отец дал согласие на операцию? У него же деменция! Кирилл ответил на этот идиотский вопрос вежливо и обстоятельно. По таким-то и таким-то причинам вашему отцу была показана срочная операция, ждать вашего приезда для согласования вопроса мы не имели возможности. Что же касается деменции, то может она и имеется, но при поступлении пациент вел себя адекватно и согласие на операцию дал осознанно, с полным пониманием происходящего. Затем дочь спросила, почему отец находится в реанимации и с какой стати ее к нему не пускают. Кирилл так же вежливо объяснил, что после операции положено

некоторое время быть под пристальным наблюдением, которое возможно только в условиях реанимационного отделения, и что туда посетителей не пускают, такова специфика. Нет, выкатить его на койке в коридор для того, чтобы показать вам, тоже нельзя. Так не делают, к тому же он подключен к монитору. Нет, перевозить его в Москву в таком состоянии нельзя, даже и на частной «скорой», и мы не отдадим тяжелого и не совсем стабильного пациента на перевозку, и сами они не возьмут. Почему он не совсем стабильный? А каким он может быть сразу после крупной хирургической операции в таком возрасте? Короче говоря, потерял на пустопорожние разговоры полчаса и это в самый разгар рабочего дня, да еще и после дежурства.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Ab ovo» (в буквальном переводе с латыни «от яйца») – устойчивый фразеологический оборот, обозначающий «с самого начала».

2

Полостные операции или абдоминальная хирургия – общее название всех видов хирургического вмешательства на внутренних органах, расположенных в брюшной полости.

3

Холецистэктомия – операция по удалению желчного пузыря.

4

Артур Конан Дойль, «Б. 24», перевод В. В. Ашкенази.

Купить: https://tellnovel.com/andrey-shlyahov/doktor-smert

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити